

К семилетию рубрики «Современная история российской социологии»

В статье подводятся итоги семи лет существования рубрики «Современная история российской социологии».

Ключевые слова: постхрущевская российская социология, журнал «Телескоп», биографическое интервью, второе рождение советской/российской социологии.

Данная статья – это развернутая благодарность руководителя рубрики «Современная история российской социологии» ее читателям, всем авторам материалов, представленных в ней, и, конечно же, издателю и редактору «Телескопа» М.Е. Илле. Он – инициатор появления в журнале этого раздела, автор его названия и лишь благодаря его поддержке этот «ребенок» живет и растет.

Непосредственной причиной, побудившей меня написать эту статью, являются два значимых события в истории рубрики. Первое, ей исполнилось *семь лет*. Второе, настоящий выпуск «Телескопа» – *сороковой* в непрерывном, что крайне важно, процессе освещения событий современного этапа развития нашей науки и деятельности нескольких поколений советских/российских социологов.

Ранее мною предпринимались попытки подведения итогов сделанного, но теперь этот проект «подрос», накоплен немалый теоретический, методологический и методический опыт сбора и анализа информации о нашем далеком и близком прошлом. Потому представляется естественным вернуться к этой теме и детальнее описать характер проводимой работы и некоторые выводы, базирующиеся на материалах проекта.

Рождение рубрики

Все началось *как бы случайно*, без ясных, однозначно фиксируемых сознанием причин. 13 апреля 2004, будучи в Москве, я навестил Б.А. Грушина. Он подарил мне очередной том своего «четырехкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным замыслом.

В середине июня того года я задумал написать статью о нем. Это произошло под влиянием изучения биографий американских полстеров, а также многообразия российских впечатлений. Главное же – приближался юбилей Грушина – его 75-летие.

Я позвонил Грушину, сказал о своем замысле и предупредил, что статья не будет «юбилейной». Мне казалось, что рассуждения о «линии Грушина», развивавшиеся за несколько лет до того в книге «Эпоха Ельцина» [1], можно будет относительно быстро довести до статьи. Однако на это потребовался месяц, статья вышла в сентябрьском номере «Телескопа» (2004, №4). Грушин был тогда в Америке и, получив журнал, позвонил мне. Указав на ряд неточностей, он в целом принял работу. После этого я с легкой душой отправил текст моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним.

Первым ответил Б.М. Фирсов: «Так мы друг о друге не писали...». Несколько позже откликнулся Ядов: «...я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...» [2]. На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразителен». Я воспринял эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Вскоре после выхода статьи о Грушине пришло предложение М.Е. Илле подумать о создании рубрики по истории современной российской социологии. Эта идея мне сразу показалась заслуживающей внимания и действия, хотя в то время я не занимался этой проблематикой, но активно собирал данные о жизни и творчестве Джорджа Гэллапа и становлении его метода изучения общественного мнения. Да и статья о Грушине рассматривалась мною не как элемент изучения истории российской социологии, но прежде всего как знак моего личного отношения к нему, и ее дальняя цель заключалась в сравнении процессов зарождения технологии и культуры опросов общественного мнения в разных политико-социальных средах. Другими словами, в предметном пространстве-времени я находился «далеко» от вопросов возникновения и развития постхрущевской советской социологии.

Было несколько причин моего *позитивного отклика* на предложение Илле и быстрого включения в эту работу. Во-первых, конечно, собственное многолетнее участие в социологических исследованиях и желание вернуться в свое профессиональное сообщество; к тому моменту я десять лет фактически находился в стороне от него. Во-вторых, первичный опыт изучения прошлого американских опросов общественного мнения и биографий аналитиков, работавших в этой области. Мне казалось, и отчасти это оказалось верным, что приобретенные в этом направлении навыки историко-биографических поисков окажутся полезными в новой работе. Есть и третье обстоятельство, но оно, теперь это кажется странным, было латентным, скорее давало импульс для интуиции, снимало страх перед неизвестностью, чем было базой рациональных решений. Суть в том, что задолго до начала века, еще живя в СССР/России, я задумывался об изучении прошлого отечественной социологии и даже кое-что делал в этом направлении.

Около трех лет назад в беседе с Л.А. Козловой о первых 25 выпусках настоящей рубрики «Телескопа» (2009, № 1)¹ я отмечал, что до последнего времени датировал возникновение моего интереса развитию постхрущевской социологии концом 2004 г. Однако незадолго до той беседы в моем домашнем архиве обнаружилась страница из журнала «Социологические исследования» с текстом моего письма в редакцию. Оно было опубликовано в первом выпуске журнала за 1987 г. и называлось «Не терять преемственности» [3]; в нем аргументировалась необходимость оглянуться на развитие социологии в СССР за истекшие (тогда лишь) четверть века и подытожить прожитое нашим профессиональным сообществом.

Заметка писалась в 1986 г., в самом начале перестройки, о возрождении российской социологии еще ничего не говорилось, наверное, потому в ней нет ни слова о необходимости анализа раннесоветской и дореволюционной социологии. Однако через четыре года мне удалось получить годовой грант по теме: «Из истории изучения экономического сознания в России. Начало XX века». Все годы жизни в Америке я помнил об этом микропроекте, но думал, что не публиковавшийся отчет о нем утрачен, а обращаться в архив Социологического института РАН не хотелось. Но во второй половине июня я нашел этот текст у себя дома и обнаружил в нем кое-что интересное для себя. В частности, я вспомнил серию событий, результатом которых стало мое письмо Нобелевскому лауреату по экономике Василию Васильевичу Леонтьеву.

Речь в нем шла о книге В.В. Леонтьева «Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы» (СПб, 1912 г.), мне хотелось уточнить, был ли ее автор отцом известного экономиста.

Упомянутый отчет был закончен не позднее ноября 1990 г., ответ Василия Васильевича Леонтьева датирован 2 декабря того же года, таким образом, мое письмо

¹ Далее, в целях экономии места, при ссылках на материалы, публиковавшиеся в «Телескопе», будет указываться лишь год и номер выпуска.

(копия которого у меня не сохранилась) скорее всего было отправлено ему осенью того года.

Профессору Борису З. Докторову
Институт социологии АН СССР
386 Серпуховская ул.
198147 Ленинград, СССР

2 декабря 1990 г.

Уважаемый профессор Докторов:

Так как у меня нет пишущей машинки с русским алфавитом, отвечаю вам по-английски. Вы совершенно правы, В.В. Леонтьев, который опубликовал около восьмидесяти лет назад монографию «Об условиях жизни рабочих», мой отец. Эта была тема его докторской диссертации, написанной в Германии под руководством профессора Bucher в университете Мюнхена.

Я, безусловно, буду рад помочь вам в получении полной информации о жизни и работе моего отца. К сожалению, большой объем работы, возникшей у меня в результате запросов, полученных из Советской России, притом что я должен уделять внимание многим обязанностям, делает невозможным для меня выполнить все сразу.

Я полагаю, что тем временем вы обратитесь в Международный фонд по истории науки, Университетская наб., 5, Ленинград 199024, который на протяжении некоторого времени отслеживал прошлое семьи Леонтьевых.

С уважением,

Василий Леонтьев.

В мире многое случается. 15 января 1991 года состоялось официальное открытие в Ленинграде «Леонтьевского центра». На банкете в гостинице «Астория» с относительно небольшим числом приглашенных я оказался рядом с А.Б. Чубайсом (судя по визитной карточке, он тогда был Председателем Госкомитета РСФСР по управлению государственным имуществом). Напротив нас сидел В.В. Леонтьев, обсуждавший различные проблемы с С.А. Васильевым, руководившим тогда Центром экономических реформ. Во время перерыва я попросил Чубайса, рассказав ему о приведенном письме, представить меня Леонтьеву. Беседа была короткой и светской; я напомнил ему мое письмо, поблагодарил его за ответ и сказал, что продолжу мои поиски. Он обещал помогать. Но в силу разных причин ничего из этого не произошло.

Таким образом, я не был совсем «зеленым» в историко-социологических исследованиях, когда продумывал варианты формирования журнальной рубрики, и понимал, что проблем будет множество. Потому прежде всего была написана небольшая заметка «История есть, только если она написана», которая была опубликована в следующем выпуске журнала (2004, № 5). Я и сейчас уверен в том, что сведения, хранящиеся лишь в наших головах и в личных архивах, не есть история. Но они могут стать ею. Фактически эта статья была *краткой программой* нового раздела журнала, но в большой степени – формой убеждения самого себя в необходимости этой работы.

Интервью по электронной почте: другого пути у меня не оказалось

Когда в начале 1999 года Б.М. Фирсов планировал свой курс по истории советской социологии, он предложил группе экспертов высказаться в пользу одного из трех вариантов его композиции. Первый – осветить развитие ряда направлений социологии, второй – детально разобрать наиболее представительные, классические работы советского периода и третий – сконцентрироваться на анализе отношения между социологией и властью. Я предложил остановиться на втором варианте [4].

Поскольку Фирсов избрал иное направление анализа прошлого, я поначалу задумал реализовать мое старое предложение и подготовить серию очерков по ряду представляющихся мне наиболее интересными для демонстрации истории советской

социологии книг, в том числе: «Человек и его работа» и «Человек после работы», книга Грушина по итогам Таганрогского проекта, «Телевидение глазами социолога» и еще несколько серьезных работ. Хотелось посмотреть, что в них современно, а что устарело. Эти все книги у меня есть, но было очевидно, что этого мало. В 20 минутах езды от меня на территории Стэнфордского университета расположена одна из крупнейших в США организаций по изучению России – Гуверовский институт, да и в самом университете есть Центр по изучению России, однако коллекции советской социологической литературы в них довольно бедные. Таким образом, этот вариант исторического исследования отпал.

Тогда я разослал электронные письма многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и прислать мне материалы для публикации. Это предложение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии *интервью по электронной почте* с российскими социологами, с которыми я поддерживал более или менее постоянную переписку и воспоминания которых были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я не задумывался ни о выборке, ни о структуре интервью. Существовали сомнения в релевантности этого метода просматривавшимся целям исследования, но знание об успешности онлайн-маркетинговых опросов, проводившихся в США, и уже значительный опыт общения с российскими социологами по электронной почте заглушали сомнения в перспективности избранного метода сбора информации. Я трактовал его тогда как соединение *собственно биографического* интервьюирования (вопросы о жизни респондента) и *опроса экспертов* (вопросы о развитии социологии).

Одним из сдерживающих обстоятельств было понимание того, что в то время российские социологи старших поколений еще не очень овладели электронной почтой. Но я предполагал, что опрос будет проведен на небольшой выборке, и видел, что для реализации подобного плана у меня было достаточно ресурсов. Лишь одно интервью проведено непосредственно, лицом к лицу. А.В.Баранов не пользовался в 2008 году электронной почтой, и беседа с ним была записана на диктофон и транскрибирована его многолетней сотрудницей Марией Алесиной (2008, № 3).

Первым, к кому я обратился с просьбой «поговорить за жизнь», был Б.М. Фирсов, с которым меня связывают более трех десятилетий совместной работы и дружбы. Во второй половине августа 2004 года я написал ему: «Я исхожу из того, что кровь и пот (горячий и холодный) ряда поколений советских социологов, отразился в их работах. И нельзя все это так запросто забыть...» и спросил: «Может, и ты выскажешься?». Вскоре он ответил: «...согласен, что приходит время для высказываний». Начало процесса формирования методологии и технологии интервью отражает письмо, отправленное Фирсову в середине сентября [5]:

Меня интересуют *пионеры*... интервью с тобой я определяю как пост-юбилейное (БД: незадолго до этого письма Фирсов отмечал 75-летие) ...Нам всегда было о чем поговорить, и сейчас есть момент поговорить о тебе. История – это всегда люди, которые ее делают, другого взгляда на историю я не знаю.

Я – может быть, мы вместе – постепенно сформулирую(ем) вопросы в традиционной форме, а может быть этого не буду делать... интервью может быть как диалог, в котором 90% – это твои ответы, и 10% – мои вопросы... так тоже можно.

Что меня прежде всего интересует?

Во всех моих раскопках я уделяю особое внимание анализу процесса вхождения человека в науку, в том числе – его учителям... в Америке – учителями были психологи первого поколения, учившиеся в Европе у Вундта, Бинэ и так далее.

В СССР до социологов первого поколения ничего не было...

В письме были сформулированы темы, по которым я просил Фирсова высказаться, и завершалось оно словами: «Поехали? Я понимаю, что обрекаю тебя на трудности самокопания, но это все важно для нашей науки, которой мы в силу наших возможностей (или нашей беспросветной глупости) продолжаем служить».

Итак, *четыре аспекта* будущей работы были обозначены уже в плане первого интервью: фокус на ученого как движителя науки, диалоговая природа общения с опрашиваемым, повышенное внимание к процессу вхождения человека в науку и установка на анализ генезиса современной российской социологии. Работа продвигалась быстро, и в первом выпуске «Телескопа» 2005 года интервью было опубликовано.

Сразу после новогодних праздников 2005 г. я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. В тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ, начинавшийся словами: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною» [6]. Работа продвигалась стремительно, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано (2005, № 2).

В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 году московском исследователе общественного мнения Я.С. Капелюше. Эта публикация продолжала освещение истории исследований общественного мнения в СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к публикации интервью. Важно и то, что это были воспоминания ряда бывших коллег и друзей Капелюша (Б.А. Грушина, А.И. Пригожина, Л.Н. Федотовой), а не только мой текст.

Появление в журнале подряд трех материалов по истории российской социологии свидетельствовало о том, что проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей работы. При поддержке М.Е. Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решить эту задачу казалось очень сложным. Помог В.А. Ядов: в начале 2005 г. на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Many thanks» [7]. Работали мы спорно, текст быстро рос. Результат интервью с Ядовым был размещен в двух последующих номерах журнала (2005, № 3,4).

Мне очень повезло с тремя первыми респондентами-экспертами; я обратился к людям, *готовым и способным* рассказывать о себе. Поэтому интервью с ними сразу вывели меня на очень широкую область *биографического и исторического анализа*. По сути, уже здесь сложилось понимание осуществляемых интервью, чаще я называю их *беседами*, как формы *профессионального и личностного общения*; в частности, я решил и в интервью, хотя это публичная форма общения, придерживаться той *формы обращения* к человеку («ты» или «вы», по имени или по имени и отчеству), которая сложилась у нас ранее. Исходно я думал о том, чтобы максимально унифицировать содержание и структуру интервью и стремиться к использованию набора стандартных вопросов, другими словами, не отходить далеко от формализованного типа интервью. Однако, поскольку трое моих первых собеседников разными путями пришли в социологию, работают в разных предметных, тематических нишах, имеют разный жизненный опыт, стало понятно, что интервью должны быть *неформализованными*.

Освоение ролей интервьюера и интервьюируемого

Довольно быстро сложилась практика одновременного опроса двух-трех респондентов, появилась возможность не торопить каждого, а форсировать работу лишь

над тем интервью, которое было ближе других к завершению. Вскоре технология интервьюирования оказалась настолько отлаженной, что тексты стали публиковаться не только на главной площадке – в «Телескопе», но также в «Социологическом журнале» и в журнале «Социальная реальность», несколько лет издававшемся Фондом «Общественное мнение».

Первые биографические беседы были проведены с учеными, которых теперь я отношу к первому и второму поколению советских/российских социологов, но уже летом 2005 года было завершено интервью с Л.Е. Кесельманом (2005, №5), входящим, согласно выстроенной мною «лестнице поколений» (см. Таблицы 1, 2 в Приложении), в третью генерацию. В процессе этой работы у меня возникла потребность в комментировании сказанного, так возникла «рубрика в рубрике», называемая «Как это было» (2005, № 5). Материалы этой серии появляются нечасто (было пять выпусков), но она оказалась жизнеспособной. Вслед за интервью с Кесельманом в течении полутора лет было опубликовано еще пять бесед с представителями третьего поколения социологов: Д.Л. Константиновским (2006, № 3), Р.С. Могилевским (2006, № 2), Л.В.Пановой (2008, №4), Е.Э. Смирновой (2006, № 1) и И.И.Травиным (2008, №1).

Несмотря на то, что Ядов уже многие годы живет и работает в Москве, для меня он прежде всего – создатель «ленинградской социологической школы» и мой коллега по ленинградским социологическим институтам и Ленинградской социологической ассоциации. Так же ленинградцем я воспринимал и многие годы жившего в Москве А.Г. Здравомыслова (2006, № 5; «Социологический журнал, 2006. №3/4), под руководством которого входил в социологию. И в этом смысле интервью с Константиновским оказалось первым, в котором моим собеседником был не ленинградец/петербуржец. Специфика такого интервью заключается в том, что разговор идет о той реальности, которую я *не наблюдал* и потому знаю весьма поверхностно.

Одновременно опубликованные в рубрике воспоминания о Капелюше и интервью с Гилинским подсказали мне приемы *введения в историческое* исследование людей, которые активно участвовали в развитии нашей науки, но которых, к сожалению, уже нельзя было проинтервьюировать. Так, Гилинский многое рассказал об умерших в относительно недавние годы Л.И. Спиридонове, П.Н. Лебедеве и Э.А. Фомине. Благодаря Константиновскому в создаваемую картину прошлого вошел один из создателей российской социологии В.Н. Шубкин, который многие годы болел и не мог быть опрошенным; в прошлом году его не стало. Тогда я видел свою задачу скорее не в том, чтобы писать историю российской/советской социологии, но в том, чтобы собрать как можно больше *свидетельств очевидцев о происходившем*.

Работа над биографией Джорджа Гэллапа показала мне, как из разрозненных, мелких, случайных, казалось бы, малоинтересных воспоминаний о нем и людях, в окружении которых он формировался и с которыми работал, возникало некое цельное знание об ученом и его творчестве. Поэтому при проведении интервью я не подразделял информацию на важную и менее значимую, относящуюся к ядру воспоминаний моего собеседника или к периферии. С одной стороны, было ясно, что ценность собранного сегодня будет расти со временем. С другой – не зафиксированное сейчас, скорее всего, пропадет навсегда. Это ощущение передано заголовком статьи «Биографии для истории» и ее заключительной фразой: «Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах “Телескопа” уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии» (2007, № 1, с. 22).

В начале июня 2006 года я получил электронное письмо от В.Э. Шляпентоха со словами: «Созрел для интервью». Беседа складывалась легко, материалов было собрано много, поэтому несколько различающиеся тексты интервью были опубликованы в разных журналах (2006, № 6; «Социальная реальность», 2006, №12). Шляпентох уезжал из СССР в те годы, когда отъезжавшие покидали страну фактически навсегда. Его книги были

убраны из многих библиотек, и ссылаться на них не рекомендовалось. После публикации этого интервью в «Телескопе» и несколько отличающегося варианта (беседа оказалось очень объемной) в «Социальной реальности» (2006, № 12) многие узнали о социологе первого поколения, даже имя которого им было не известно. Через четыре года много интересного о зарождении «ленинградской социологической школы» вспомнил Э.В. Беляев (2010, № 3), дольше Шляпентоха живущий в США.

В практике интервьюера мне помогает то, что в начале исследования мне пришлось узнать всю гамму чувств, которые переживает человек, *рассказывающий свою биографию*. В конце января 2005 года Н.Я. Мазлумянова, закончившая тогда редактировать мою первую книгу из «гэллупиады», предложила мне рассказать о себе для «Социологического журнала». Будучи членом коллектива, которым руководил Г.С. Батыгин, она в тот момент обладала не меньшим, чем мой, опытом проведения биографических интервью и хорошо знала методологию этого типа опроса. Для меня беседа с Мазлумяновой («Социологический журнал», 2005, №4) оказалось прекрасной школой в области построения диалога с моими респондентами, я начал понимать состояние человека, рассказывающего о себе, осознавать существование границ пространства биографического диалога, за которые было бы лучше не заходить. Мое погружение в «роль» интервьюируемого продолжилось весной 2006 года, когда я отвечал на вопросы о прожитых годах, прежде всего в Америке, Фирсову; мы поменялись с ним ролями (2006, № 3). Я мог сравнивать ощущения, испытываемые респондентом при рассказе о себе человеку, которого в тот момент мало знал (Мазлумянову) и человеку, рядом с которым прожито более половины жизни и с которым привык делиться многими жизненными проблемами.

Письмо Ядова от 3 января 2008 г. еще раз предоставило мне шанс побыть респондентом. Он писал: «Не знаю, хватит ли мне времени и способностей, но хотел бы предпринять интервью с тобою наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это было бы и справедливо и поучительно. Главное, что представляется мне ценным, – артикулировать узловые точки твоей методологической саморефлексии, лабораторию мыслительного процесса». Принципиально новым для меня в этой беседе оказалось фокусирование Ядовым широкого спектра вопросов, относящихся именно к моей работе по историко-биографической тематике. Фактически, это интервью стало подведением итогов развития исторической рубрики в течение первых трех лет ее существования (2008, № 1, 3) и импульсом для продолжения этой работы.

История должна быть многолюдной и писаться многими

Во второй половине лета 2006 года количество проведенных бесед приблизилось к десяти и стало понятно, что при соблюдении определенной системы правил электронное интервью является *валидным, эффективным* приемом получения историко-биографической информации. Возникало желание завершить сбор данных и переходить к их анализу; отчасти эта установка отражена в указанной выше статье «Биографии для истории». Но ряд обстоятельств препятствовали этому. Во-первых, в тот момент было несколько начатых интервью, они ожидали завершения и публикации. Во-вторых, во мне проснулся азарт собирателя, коллекция требовала пополнения. Но главное – все полнее становилось осознание того, что история российской социологии должна быть *многолюдной*.

В подготовленной под редакцией Г.С. Батыгина книге о российской социологии 60-х годов [8], с которой собственно начинается изучение современной истории нашей науки, представлены биографические интервью с узким кругом социологов старшего поколения, основная часть которых к тому моменту давно работала в Москве; преимущественно это были доктора наук, руководители крупных научных коллективов. Причины такого формирования массива собеседников очевидны, но в середине первого десятилетия нового столетия понимание прошлого и стремление к формированию

информационного задела для будущих историко-научных разработок требовало расширения состава опрашиваемых. К тому моменту обогатилось когортное строение социологического сообщества и значительная часть социологов стала создателями, руководителями и сотрудниками независимых организаций, работающих в области прикладных социологических исследований, ощущалась также необходимость в расширении географии проекта. К тому же, электронная почта стала обыденностью для большинства российских социологов.

Особую значимость в развитии моего исследования имела онлайн-беседа с А.Б. Гофманом, которую я решил проводить после того, как в нашем интервью Ядов назвал его среди наиболее заметных социологов, родившихся в конце 30-х – первой половине 40-х годов. Ранее я интервьюировал только тех, с кем был лично знаком многие годы, с кем работал вместе, кто относился к «ленинградской социологической школе», кто имел опыт проведения опросов и использовал жесткие методы социологии. Здесь все было иным, я знал лишь книгу Гофмана «Лекции по истории социологии». Это заставило меня отказаться от уже апробированного плана – хронологического «раскручивания» беседы и начать с обсуждения основных направлений его исследований. Работа наша началась в конце августа 2006 года и обрела привычный мне характер после того, как в конце того года мы встретились в Москве. Беседа пару раз прерывалась, но в начале 2007 года все было завершено (2007, № 2).

К настоящему моменту проведено несколько электронных интервью с социологами, с которыми я пока не встречался, и у меня нет оснований допускать, что избранная методология и техника биографического интервьюирования работает в этом случае хуже, чем при проведении бесед с лично знакомыми мне людьми.

Интервью с М.Е. Илле было проведено в связи с 10-летием «Телескопа», но в нем были и вопросы личного характера (2007, №1). Оно положило начало изучению плохо известной мне по личному опыту части нашего социологического сообщества. Речь идет о социологах, родившихся в 1947–1958 годах и образующих «четвертое социологическое поколение».

Более пристальное освоение жизненных траекторий представителей этой профессиональной генерации началось весной 2007 года в беседе с М.А. Тарусиным, с которым в конце 80-х я работал во ВЦИОМе. Он оказался первым из моих собеседников, учившимся именно «на социолога». Воспоминания Тарусина о годах обучения в МГУ и о его работе в различных исследовательских и аналитических социологических и политтехнологических организациях сразу обнаружили некоторые специфические черты рассматриваемого поколения социологов («Социальная реальность», 2007, №7). К настоящему моменту в «Телескопе» размещены еще несколько интервью с представителями четвертого поколения российских социологов. Это Ю.М. Беспалова (2011, № 1), Е.А. Здравомыслова (2009, № 6), Л.А. Козлова (2011, №3), А.Ю. Мягков (2010, № 2), В.В. Семенова (2010, № 6) и А.Е. Чирикова (2010, № 1). Кроме того, два интервью с исследователями этой когорты опубликованы в «Социологическом журнале»: с В.А. Бачининым (2010, №3) и В.И.Ильиным (2010, №2), и почти завершена беседа с А.А. Давыдовым. Мне вообще не известны историко-социологические проекты, включающие изучение этой общности, и потому рассказанное ее представителями представляется крайне значимым для понимания процессов формирования нашего сообщества.

В период интервьюирования Т.И. Заславская (2007, № 5; «Социологический журнал», 2007, № 3) и Д.Л. Константиновский были москвичами, В.Э. Шляпентох уже многие годы был профессором Мичиганского университета, но значительная часть их жизни и работы прошла в Новосибирском академгородке. Таким образом, беседы с ними автоматически несколько расширили географию проводимого исследования, вывели его за границы Москвы и Петербурга. Но первым из респондентов, чья вся трудовая деятельность (после обучения в МГУ) прошла вне двух столиц, был В.А. Артемов. Он

рассказал о становлении и развитии социологии в Новосибирске (2008, №5) и поделился воспоминаниями о двух ученых, имена которых отражены в истории нашей науки, но информации о жизни которых крайне мало. Это – Г.А. Пруденский, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, и Д.И. Чесноков, руководивший его кандидатским исследованием. Воспоминания Артемова об этих ученых очень скудные, но уверен, сказанное им постепенно найдет место в крупных панно нашего прошлого.

Позже интервью были проведены с социологом из Иваново А.Ю. Мягковым и из Тюмени – Ю.М. Беспаловой. Интересны рассказы петербуржцев Б.Г. Тукумцева (2009, № 5), одного из пионеров развития социологии в Самаре и в Поволжье в целом, и В.И. Ильина, много лет проработавшего в Сыктывкаре.

В совокупном массиве накопленных в нашей науке биографий ученых до последнего времени не было тех, кто работает в независимых организациях и прежде всего фокусирован на проведении прикладных политических, социальных и маркетинговых исследований. Обсуждаемый проект в настоящее время содержит биографии нескольких человек, которых с полным правом можно назвать пионерами в разработке этих направлений. Среди имен, названных выше, это: Илле, Кесельман, Могилевский и Тарусин. Сейчас добавлю к этому перечню: Т.З. Протасенко (2011, №2), Ф.Э. Шереги (2007, № 5; «Социальная реальность», 2007, № 9) и Н.В. Ядова (2009, № 2).

Есть основания в качестве особой группы социологов, плохо представленной в биографической литературе, назвать тех, кто в течение многих лет изучал трудовые отношения непосредственно в цехах, на заводах, на производстве. Я не сразу пришел к беседам с этими специалистами, но сейчас уже многое рассказано ими для использования в исторических исследованиях. Назову этих социологов: А.Н. Алексеев (2006, № 5), Н.И. Лапин («Социологический журнал», 2007, №1), Б.И. Максимов (2007, № 4), Ж.Т. Тощенко («Социологический журнал», 2007, № 4), Б.Г. Тукумцев, А.А. Русалинова (2009, № 6), Н.В. Ядов.

Столь же бедно в специальной литературе представлены жизнеописания ученых, «призванных» в социологию для решения проблем формирования выборки и математического анализа данных. Среди моих собеседников есть несколько человек, прошедших этим путем: Д.Л. Константиновский, Г.И. Саганенко (2010, № 5), Е.С. Петренко («Социальная реальность», 2007, № 2), Ф.Э. Шереги; есть ожидающие своей публикации беседы с А.А. Ослоном и Ю.Н. Толстой. К этой же группе специалистов я отношу и себя.

В моем исследовании не ставлось цели формирования репрезентативной в статистическом плане выборочной совокупности респондентов. Прежде всего, в силу неопределенности границ, параметров генеральной совокупности и сложности ответа на вопрос о том, кого относить к социологам. Ясно, что признак «базовое образование» здесь не работает, похоже, что среди ученых старше 65 лет просто нет дипломированных социологов. Есть и множество других сложностей в очерчивании генеральной общности; к примеру, «время пребывания в социологии», т.е. продолжительность работы в этой сфере. Мое решение подсказано практикой. Социолог – это человек, «много» лет работающий в социологии, регулярно публикующийся и известный специалистам, работающим, по крайней мере, в той же исследовательской нише. Среди критериев отбора собеседников *нет требования* наличия научных степеней и званий; шестеро из них не имеют научной степени, но – большой опыт работы и признание коллег.

Стремление обеспечить «многолюдность истории» – это и есть реальный путь *повышения логической репрезентативности* проводимого исследования, ибо он ведет к расширению границ *биографического* и *историко-научного анализа*. Увеличивается число *жизненных траекторий* социологов, что и составляет базу биографических изысканий и обобщений, а также обогащает архив «*кейсов*» для углубления понимания прошлого.

Интервью с российскими социологами составляют значительную часть публикаций в рассматриваемой рубрике «Телескопа», но это – лишь около половины представленного в ней материала. Кроме того в ней представлены: воспоминания ряда социологов о себе и коллегах, описание проектов, в которых они участвовали, статьи о жизни и творчестве социологов, обсуждение методологии исторических и биографических исследований, дискуссии относительно места биографических данных в освещении прошлого. Авторами этих материалов являются социологи, многие годы отдавшие становлению и развитию нашей науки и непосредственно наблюдавшие описываемое ими. Мне приятно назвать имена ученых, авторские тексты которых представлены в рубрике: А.Н. Алексеев, В.А. Артемов, Г.С. Батыгин, Э.В. Беляев, Ю.М. Беспалова, О.Б. Божков, Б.А. Грушин, И.С. Кон, Л.А. Козлова, Ю.Л. Неймер, Л.Н. Столович, Ч. Сымонович, А.И. Пригожин, Т.З. Протасенко, Л.Н. Федотова, Б.М. Фирсов, Д.Н. Шалин, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов.

У истории должно быть «человеческое лицо»

Трудно переоценить значение фундаментальной книги «Социология в России» [9], вышедшей под редакцией В.А. Ядова более десяти лет назад. Это многофункциональная работа, в том числе – и историко-научоведческая. В ней приведено порядка трех тысяч имен ученых, внесших свой вклад в развитие важнейших направлений советской/российской социологии. Но все они – лишь *разработчики* определенных проектов и *авторы* статей и книг. Завершив чтение этого труда, мы почти ничего не знаем о тех, кто стоял у истоков нашей науки и кто первым присоединился к ним.

История доперестроечной советской социологии, написанная Б.М. Фирсовым [4], – пример иного рода. Здесь социологи представлены не только через совокупность изучавшихся ими социальных проблем, но уже как люди с конкретными профессиональными взглядами, политическими и гражданскими воззрениями. Еще более отчетливо установка Фирсова на осмысление поведения социологов в профессиональной и внепрофессиональной сферах их жизнедеятельности просматривается в его монографии о разномыслии в СССР [10]. Героями этой книги являются не только социологи, но важно то, что и они присутствуют в этой работе.

В свете сказанного многолюдность истории советской/российской социологии это *не только наполненность* повествования о ее развитии по возможности бóльшим количеством участников этого процесса и описанием результатов их труда. Многолюдность подразумевает присутствие в *описании прошлого нашей науки* также условий и особенностей предбиографии и ранней социализации будущих социологов (воспитание и обучение), процесса освоения ими профессиональных знаний, траекторий их вхождения в науку, выбора ими поля собственных исследований. Поскольку наука не делается в одиночку, постольку повествование должно содержать информацию о людях, повлиявших на профессиональные интересы ученых и составляющих круг их друзей и ближайших коллег. Другими словами, о *коммуникационных сетях*, в которые входит человек.

Эти и подобные соображения, которые постепенно становились теоретико-методологическими принципами построения биографического интервью, были результатом работы над «гэллэпиадой» и смутно осознавались мною уже при написании биографического очерка о Грушине в 2004 году. К примеру, в этом ключе рассматривалась причастность Грушина к группе «диастанкуров», в которую кроме него входили А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили и Г.П. Щедровицкий (2004, № 4). Тремя годами позже, отталкиваясь от этих соображений, была написана небольшая статья о Г.В. Старовойтовой (2007, №6), в которой развиваемый подход к изучению постхрущевского периода российской социологии обозначался как попытка написания *«истории с человеческим лицом»*. Этот подход трактовался как мягкая альтернатива институциональному видению истории, в которой социология трактуется прежде всего как социальный институт.

Движение Старовойтовой от социолого-антропологических исследований в сторону правозащитной и депутатской деятельности рассматривалось в привязке к ее раннему погружению в молодежную андеграундную и диссидентскую среду Ленинграда, культивировавшуюся во второй половине 60-х в кафе «Сайгон». Через полгода в статье памяти В.Б. Голофаства (2008, № 2; «Социальная реальность», 2008, № 3) его путь в социологию и характер его научной риторики соотносились с его еще юношескими поисками себя в поэзии и определенной включенностью в «сайгонскую культуру».

Можно сказать, что в 2007-2009 годах происходило создание методологии историко-биографических исследований на *микроуровне*, или на *индивидуальном уровне*; я имею в виду написание биографий отдельных социологов. Так, вслед за статьями о Стровойтовой и Голофастве были написаны социокультурные портреты А.Н. Алексеева (2009, № 4; «Социологический журнал», 2009, №3), Б.Г. Грушина («Социологический журнал», 2007, № 4; 2010, № 2; 2010, № 5), Здравомыслова (2008, № 4), Ю.А. Левады («Социальная реальность», 2007, № 6; «Социологический журнал», 2008, № 2), Б.М. Фирсова («Социологический журнал», 2009, №2) и другие.

Термин «история с человеческим лицом» применительно к изучению прошлого советской/российской социологии исходно трактовался мною *узко*, имел внутреннее значение и обозначал специфику моей устремленности к анализу собираемого историко-биографического материала и отбору статей для публикации в исторической рубрике. Сейчас я интерпретирую этот термин *шире*, распространяя его на подходы, разрабатываемые и другими социологами.

Так, многолюдные картины профессиональной и внепрофессиональной деятельности социологов, присутствующие в «Драматической социологии...» А.Н. Алексеева [11] и в написанной им в соавторстве с Р.И. Ленчовским книге «Профессия – социолог» [12], являются, в морем понимания исследованиями, выполненными в парадигматике «истории с человеческим лицом». Этот вывод делается не только потому, что в названных работах «присутствуют» и «говорят» десятки социологов, но в силу сквозных для этих работ методов анализа социальных конфликтов, в которых социологи участвуют в многочисленных ролях. Я имею в виду авторскую *рефлексию* и *саморефлексию*.

Био-критический или *критико-биографический* анализ Д.Н. Шалиным (2011, № 4) различного рода информации о жизни и творчестве социологов тоже дает пример разработки «истории с человеческим лицом». В его композициях и комментариях социологи предстают не только как разработчики социальных проблем и создатели теоретических конструкций, но и как члены профессиональных и коммуникативных общностей.

«*Очеловеченное*» прошлое советской/российской социологии предстает перед нами и в мемуарах социологов старших поколений. Укажу здесь лишь несколько имен авторов подобных работ: И.В. Бестужев-Лада, Я.И. Гишинский, Т.И. Заславская, И.С. Кон, С.А. Кугель, Э.В. Соколов. В этом же ряду имеет смысл рассматривать сборники воспоминаний о действующих и умерших социологах. Например, юбилейный сборник о В.А. Ядове, сборники памяти Л.А. Гордона, Б.А. Грушина, Л.Н. Когана, Ю.А. Левады. Рождается и новая форма фиксации коллективной памяти о человеке-исследователе: *именные мемориальные чтения*. Так, состоялось несколько семинаров памяти Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Б.А. Грушина, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.О. Крыштановского, Ю.А. Левады, А. Г. Харчева.

Появление «мягких» подходов к анализу биографического материала и стремление к его использованию в историко-научно-исследовательских штудиях обусловлены самой *логикой развития* российской социологии и желанием найти ответы на *вызовы времени*. Социология как наука одновременно институциализируется и все более становится *саморазвивающейся, автономной* системой, в которой значительную роль играют отдельные ученые и коммуникационные сети. Соответственно, многие процессы,

происходившие в ней, наблюдаемые сейчас и уходящие в будущее, могут быть изучены, поняты и зафиксированы лишь в рамках «истории с человеческим лицом».

Думаю, что близким к «истории с человеческим лицом» является подход к исследованию прошлого нашей науки, обозначаемый А.Н. Алексеевым историей отечественной социологии «в лицах» [12, Том.2, Гл.6]. Он размещает его в пространстве «личностного науковедения»².

При решении ряда проблем, касающихся интервьюирования социологов и использования получаемой информации в исторических исследованиях перспективной может оказаться субъектно-объектная трактовка социолога, предлагаемая В.И.Ильиным. Он видит в социологе, с одной стороны, носителя знаний об истории своего профессионального сообщества и, с другой, представителя определенной эпохи с присущими ей ценностями и формами социальной деятельности (2010, №5).

Мне представляется, что рубрика «Современная история российской социологии», открывающая каждый выпуск «Телескопа» на протяжении последних *семи лет*, стала своеобразным *журналом в журнале*. В этом монотематическом (по истории постхрущевской социологии) «журнале» за прошедшие годы опубликовано около сотни различного вида материалов, а их общий объем – свыше 90 авторских листов.

Подавляющее большинство публикаций, увидевших свет на страницах «Телескопа», можно прочесть на сайте журнала, и к тому же размещены на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» (МБИ), созданного весной 2006 года [13]. За прошедшие пять лет на сайте, содиректорами которого являются Шалин и я, собрана наиболее полная коллекция интервью с российскими социологами, представлена различная биографическая информация и размещено множество статей по методологии биографического метода и его роли в исторических исследованиях. Недавно состоявшаяся дискуссия показала, что вокруг «Телескопа» и МБИ сложился «незримый колледж», который объединяет исследователей биографического метода, работающих в разных, но близких парадигмах [14].

Так что многолюдная история пишется многими.

Двухконусная модель генезиса современной российской социологии

Тема генезиса современного этапа советской/российской социологии обсуждалась мною во многих статьях в этой рубрике. В настоящем разделе я ограничусь приведением экспертных позиций в пользу утверждения о том, что на рубеже 1950-х–1960-х годов произошло не возрождение российской социологии, но ее *второе рождение*, и опишу новую, *геометрическую модель* этого процесса.

Впервые концепция второго рождения российской социологии была изложена мною в конце октября 2007 года. Но к тому времени уже существовало некое эмпирическое подтверждение возможности рассуждать подобным образом. Так, при обсуждении темы генезиса современной российской социологии с Т.И. Заславской она сказала: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» («Социологический журнал», 2007, № 3, с. 166). Теперь укажу вывод Ж.Т. Тощенко: «...поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер, больше обращала внимание на аналогичные исследования за

² Я благодарен А.Н.Алексееву за ценные замечания по тексту статьи. Его комментарий, приводимый в этом примечании, будет проанализирован в одной из последующих работ: «У меня нет отличного от тебя подхода в этом деле. История социологии “в лицах” - это просто другое название для твоей истории социологии «с человеческим лицом». Так же, как и “личностное науковедение”. Я в данном случае иду в твоём методологическом фарватере».

рубежом в этот период» («Социологический журнал», 2007, №4, с. 166-167). Аналогично итожил свою точку зрения на эту тему и Шереги: (2007, № 5, с. 13): «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов».

Тем не менее, имея приведенные экспертные суждения, я и далее обсуждал эту тему с моими собеседниками. Приведу мнение В.И. Ильина: «Я согласен, что в период «оттепели» не было речи о возрождении отечественной социологии. Она рождалась в закамуфлированной попытке интеграции тогдашней западной социологии в прокрустово ложе советского марксизма-ленинизма и реалий политической и духовной жизни СССР» («Социологический журнал», 2010, №2, с. 159). Э.В. Беляев работал в первой в СССР социологической лаборатории В.А. Ядова с начала ее существования. Его высказывание – это суждение очевидца: (2010, № 3, с. 11): «Полностью согласен с тобой. Как бы это ни называлось, но не было никакой преемственности, именно потому что мы не знали, что было в этой области до революции и вплоть до 1930-х годов. Мы только знали, что что-то было. <...> Что касается эмпирической социологии, то даже если б мы знали раннюю советскую эмпирическую социологию, как она могла бы нам помочь с ее устаревшими методами?» Обстоятельно описал начало развития социологии В.А. Артемов, приведу его завершающие слова: «А в итоге получается, что современная социология родилась уже в послевоенной стране. <...> Если же отвечать именно на поставленный вопрос, то склоняюсь “ко второму рождению”. К моей исследовательской области этот ответ больше подходит» (2008, №5, с. 14).

Косвенным, но вписывающимся в общий фон свидетельств об отсутствии какой-либо связи исследователей первого поколения социологов со сделанным их российскими предшественниками является анализ авторефератов докторских диссертаций В.А. Ядова (1967 г.) и А.Г. Здравомыслова (1969 г.). Эмпирической базой обеих диссертаций был проект «Человек и его работа», но внимание Ядова фокусировалось на методологии социологического исследования, а у Здравомыслова центральными были проблемы изучения социальных интересов. Безусловно, в авторефератах цитировались работы Маркса и Ленина, отмечалось сделанное в соответствующих направлениях советскими социологами, кроме того, оба диссертанта называли ряд фамилий американских социологов. Но ими не было ни словечка сказано об исследованиях дореволюционных социологов и тех, кто работал в 20-х годах.

Завершаю коллекцию мнений экспертов двумя замечаниями В.А. Ядова. Сначала приведу его моментальную реакцию на отправленный ему еще до публикации текст, в котором впервые обосновывалось суждение о втором рождении российской социологии: «...отличная и аргументированная статья. Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново» [15]. Теперь – несколько необычное подтверждение этого обещания. Накануне 65-летия со дня Победы Ядов побывал дома у своего друга, участника войны В.Н. Шубкина и с его слов написал короткий рассказ-лубок. В нем есть такие слова: «Здесь надо сделать отступление и напомнить, что «...В.Н. Шубкин принадлежит к поколению социологов шестидесятников, усилиями которых наша область знания явилась заново после сорокалетнего запрета» [16].

Итоги рассмотрения вопроса о генезисе постхрущевской социологии и ее отношения к дореволюционной и ранней советской социологии могут быть иллюстрированы с помощью простой «*двухконусной*» модели, которая, мне кажется, отражает многое из сказанного экспертами. Замечу, что развитие науки, как и ряда эволюционных процессов, удобно и эффективно представлять в виде конуса, обладающего многими интересными математическими свойствами. К примеру, траектория движения сверху вниз по поверхности конуса, если это не падение по его образующей, дает расширяющуюся спираль. Наоборот, подъем от основания конуса к его вершине – сжимающаяся спираль.

Представим себе прямой конус, направленный вдоль оси времени, его основание расположено на уровне начала XX века, а вершина – конец 1930-х годов. Этот конус задает характер изменения дореволюционной русской социологии и ее перехода в раннесоветскую. В годы Гражданской войны резко сократилось число социологов, изменился их состав, произошло «сжатие» социологии как науки по всем критериям, принятым в науковедении и наукометрии. К концу 30-х социология в СССР как самостоятельная наука *выродилась в точку*, этому ее состоянию отвечает вершина конуса.

На рубеже 50–60-х стал формироваться новый конус, его вершина расположена над вершиной старого, а расширение происходит вверх вдоль оси времени. Пространство, прилежащее к новой вершине, указывает на существование небольшой группы социологов первого и второго поколения и области их научной деятельности, которая быстро формировалась, но оставалась весьма ограниченной. Затем идет слой, отвечающий периоду формирования социологов третьего поколения и совокупной сферы деятельности трех когорт ученых. Над ними – еще более широкое пространство – это область активности представителей уже четырех поколений. И так далее.

Подобно любой знаковой модели конструкция двух конусов имеет ограниченную объяснительную и эвристическую функцию. Но она несет в себе *импульс* для содержательных, собственно историко-биографических размышлений и исследований.

Приложение

В Таблицах 1, 2 фамилии моих собеседников, с которыми были проведены биографические интервью, сгруппированы по поколениям социологов. Алгоритм формирования «лестницы поколений» и критерии отнесения социологов к той или иной профессиональной когорте описаны мною в ряде статей. Наиболее полно эта тема освещена в работах [17], [18].

Таблица 1. Список социологов, интервью с которыми опубликованы в «Телескопе»

Собеседник	На момент проведения интервью		Год публикации
	Научн. степень	Город	
Социологи первого поколения: 1923 – 1934 годы рождения			
Заславская Т.И.	д.э.н.	Москва	2007
Здравомыслов А.Г.	д.ф.н.	Москва	2006
Шляпентох В.Э.	д.э.н.	США	2006
Ядов В.А.	д.ф.н.	Москва	2005
Социологи второго поколения; годы рождения: конец 20-х -1934			
Алексеев А.Н.	к.ф.н.	С.-Петербург	2006
Баранов А.В.	к.ф.н.	С.-Петербург	2008
Гишинский Я.И.	д.ю.н.	С.-Петербург	2005
Максимов Б.И.	к.ф.н.	С.-Петербург	2007
Русалинова А.В.	без степ.	С.-Петербург	2009
Тукумцев Б.Г.	к.ф.н.	С.-Петербург	2009
Фирсов Б.М.	д.ф.н.	С.-Петербург	2005
Социологи третьего поколения: 1935 – 1946 годы рождения			
Артемов В.А.	д.ф.н.	Новосибирск	2008
Беляев Э.В.	к.ф.н.	США	2010
Божков О.Б.	без степ.	С.-Петербург	2011
Гофман А.Б.	д.с.н.	Москва	2007
Докторов Б.З.	д.ф.н.	США	2006
Ионин Л.Г.	д.ф.н.	Москва	2007

Кесельман Л.Е	без степ.	Германия	2005
Константиновский Д.Л.	д.с.н.	Москва	2006
Могилевский Р.С.	к.ф.н.	С.-Петербург	2006
Панова Л.В.	к.э.н.	С.-Петербург	2008
Протасенко Т.З.	без степ.	С.-Петербург	2011
Саганенко Г.И.	д.с.н.	С.-Петербург	2010
Смирнова Е.Э.	д.ф.н.	С.-Петербург	2006
Толстова Ю.Н.	д.с.н.	Москва	в печати
Травин И.И.	к.ф.н.	С.-Петербург	2008
Шереги Ф.Э.	к.ф.н.	Москва	2007
Социологи четвертого поколения: 1947 – 1958 годы рождения			
Беспалова Ю.М.	д.с.н.	Тюмень	2011
Давыдов А.А.	д.ф.н.	Москва	в печати
Здравомыслова Е.А.	к.с.н.	С.-Петербург	2009
Илле М.Е.	без степ.	С.-Петербург	2007
Козлова Л.А.	к.ф.н.	Москва	2011
Мягков А.Ю.	д.с.н.	Иваново	2010
Семенова В.В.	д.с.н.	Москва	2010
Чирикова А.Е.	д.с.н.	Москва	2010
Ядов Н.В.	к.п.н.	С.-Петербург	2009

Таблица 2. Список социологов, интервью с которыми опубликованы в «Социологическом журнале» (СЖ) и «Социальной реальности» (СР)

Собеседник	На момент проведения интервью		Год публикации / журнал
	Научн. степень	Город	
Социологи первого поколения: 1923 – 1934 годы рождения			
Заславская Т.И.	д.э.н.	Москва	СЖ / 2007
Здравомыслов А.Г.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2006
Лапин Н.И.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2007
Шляпентох В.Э.	д.э.н.	США	СР / 2006
Социологи второго поколения; годы рождения: конец 20-х -1934			
Столович Л.Н.	д.ф.н.	Эстония	СЖ / 2010
Тощенко Ж.Т.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2007
Социологи третьего поколения: 1935 – 1946 годы рождения			
Докторов Б.З.	д.ф.н.	США	СЖ / 2005
Петренко Е.С.	к.ф.н.	Москва	СР / 2007
Шереги Ф.Э.	к.ф.н.	Москва	СР / 2007
Социологи четвертого поколения: 1947 – 1958 годы рождения			
Бачинин В. А.	д.с.н.	С.-Петербург	СЖ / 2010
Ильин В.И.	д.с.н.	С.-Петербург	СЖ / 2010
Тарусин М.А.	без степ.	Москва	СР / 2007

Литература:

1. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
2. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г.
3. Докторов Б.З. Не терять преемственности // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 118.

4. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. Курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2001. Приложение 1. С. 245-258.
5. Электронное письмо Б. Докторову Б. Фирсову от 17 сентября 2004 г.
6. Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.
7. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г.
8. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Яромлюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
9. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.
10. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в России. 1940–1960-е годы. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008.
11. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4-х т. СПб.: Норма, 2003–2005.
12. *Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И.* Профессия – социолог. (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х т. СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», Норма, 2010.
13. Международная биографическая инициатива
<<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>
14. Форум: Биографика, социология и история. Протокол № 1. О «незримом колледже» и биографических интервью // Под ред. Б. Докторову и А. Алексеева
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html>
15. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 октября 2007 г.
16. *Ядов В.А.* Как командир орудия сержант Шубкин, ныне гл. научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии.
<<http://bd.fom.ru/pdf/shubsm.pdf>>.
17. *Докторов Б.З.* Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум. 2009. №11. С. 45-54
<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_02_forum.pdf>.
18. *Докторов Б.З.* Современное российское социологическое сообщество: модель поколенческой стратификации // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина, 2007-2009 / Отв. ред. Л.А.Козлова. М.: ИСИ РАН. 2010. С. 44-63.